
СОЦИАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

В. В. НУРКОВА

ИСТОРИЯ КАК ЛИЧНЫЙ ОПЫТ*

Изложена концепция, объясняющая функционирование исторического компонента индивидуальной автобиографической памяти как формы личностного знания. Рассмотрен функциональный репертуар индивидуальных исторических воспоминаний. Выдвинута гипотеза о качественно различных психологических позициях субъекта по отношению к историческому событию: Участник, Свидетель, Современник, Наследник. Эмпирически исследован уровень историчности субъективной картины мира у современных россиян.

В какой степени жизнь обычного человека сопряжена с историей? Почему интерпретации исторических событий, порой относящихся к далекому прошлому, регулярно оказываются в центре горячих дискуссий, становясь реально действующим фактором межличностных и межгрупповых отношений? Каким образом жизнь человека приобретает историческое измерение? Почему история волнует человека?

Ответы на эти вопросы могут быть обнаружены путем исследования личностного смысла исторического знания. Другими словами, для того чтобы обозначить критерии истории, реально действующей на жизненный мир человека (термин С. Л. Рубинштейна), побуждающей его чувствовать и действовать на основании зафиксированных в историческом знании ценностей, необходимо в первую очередь обратиться к анализу функционального репертуара индивидуальных исторических воспоминаний. Безусловно, историческое знание, представленное в семантической личностно нейтральной форме, не обладает мотивирующим потенциалом. Однако

---

* Работа выполнена по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-2180.2008.6.

историческое знание начинает оказывать реальное влияние на жизнь человека тогда, когда преобразуется в личный опыт субъекта (личностное знание – по М. Полани) и приобретает статус автобиографического факта.

Человек впервые «попадает в историю» в момент своего рождения. Занесенная в метрику дата появления на свет всегда отлична от нуля, означая, что нечто в мире имело место *до* этого события. Что значит родиться в определенной точке хронологии? Будет ли различаться мироощущение человека в зависимости от того, насколько объем пласт доступной для постижения истории его предков, зафиксированный в самой дате рождения? Быть рожденным сегодня в Европе или США – значит попасть в 2009 год от рождения Христа, но аналогичное событие в арабском мире будет датировано 1430 годом по хиджре (переходу Мухаммеда из Мекки в Медину), а младенец в Бомбее попадает сразу в 5205 год из 432000-летнего цикла. Наверняка слишком спекулятивным будет предположение о том, что сознание среднестатистического индуса в два с половиной раза более насыщено историей, чем сознание европейца, а то в свою очередь в полтора раза превосходит по данному параметру сознание жителя арабского Востока. Предмет исследования здесь, безусловно, имеется, хотя бы в связи с тем, что возможна и обратная гипотеза: молодость культуры способна провоцировать обостренную чувствительность к истории, так как еще не устоявшаяся традиция требует наращивания своей корневой системы, в том числе за счет придания происходящим событиям статуса исторических.

В психологии восприятия известен феномен «ускорения времени», который заключается в том, что с возрастом человеку начинает казаться, что время «бежит» быстрее, чем это происходило в молодости. Данный феномен объясняется тенденцией оценивать время не в абсолютных, а в относительных величинах: человек переживает длительность того или иного интервала, соотнося его со всем опытом своего прошлого. Тогда, например, для десятилетнего ребенка год – это 10 % прожитого им в целом времени, а для пятидесятилетнего человека – всего 2 %. Можно ли экстраполировать данную закономерность индивидуальной психической жизни на коллективную историческую память? Во всяком случае, нам не известны достоверные эмпирические исследования различий исторической памяти представителей «разновозрастных» культур.

Следующий «контакт» человека с историей может произойти в акте имянаречения. В подавляющем большинстве случаев ребенка называют обдуманно, предполагая, что имя в дальнейшем будет выполнять определенную воспитательную функцию в его развитии. Воспитательная функция имени порой связана со значением имени («значащие» имена, например, Надежда, Людмила, Всеслав) или – что особенно распространено в российской практике, где преобладают номинативные имена – с источником имени. Нам прежде всего интересуют получение имени в честь какого-либо исторического деятеля, которое представляет собой совокупность требований к жизненному пути человека, пожелание быть похожим на выбранный семьей образец и, следовательно, проживать жизнь в соотношении с историей.

В проведенном под нашим руководством корреляционном исследовании (Панина 2007), одной из задач которого было выявление связи между историческим источником личного имени и особенностями отношения к своей семейной группе и к своему прошлому в целом, приняли участие 176 респондентов (средний возраст – 46,6 лет). Практика присвоения имени в честь знаменитого исторического лица оказалась достаточно редкой (8 %) по сравнению с другими: в честь родственника (25,4 %), как дань моде (16,1 %), по эстетическим причинам (14,4 %). Среди еще менее распространенных причин выбора имени респонденты указывали: «по совету друзей», «по святцам» или «причина неизвестна».

Однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) показал, что респонденты, которые получили имя в честь исторического лица, продемонстрировали значимое отличие от других участников исследования по параметрам «субъективная важность семьи» и «приверженность семейным традициям». Представители данной подгруппы значимо ниже оценивали истинность утверждения: «Для меня семья – самое главное в жизни». Можно предположить, что жизнь известного человека, заданная в качестве образца для подражания, стимулирует к постановке и достижению целей вне семейных рамок (так как известность, полученная этими образцами, лежит в сфере политики, искусства, спорта, науки и т. д., а не семейных отношений). Таким образом, обладание «историческим» именем действительно задает определенный контекст жизни человека, провоцируя выход его стремлений за рамки семейных отношений к более широкой исторической перспективе.

В дальнейшем в жизни уже взрослого человека история может двояко присутствовать в структуре опыта. Во-первых, в индивидуальную автобиографическую память могут включаться исторически значимые события, присутствующие в качестве социального контекста уникальных событий индивидуального бытия. В этом случае история поставляет человеку своеобразные «маяки» для определенности в датировке индивидуальных событий. Так, Стендаль в романе «Жизнь Анри Брюлара» замечает: «С момента моего прибытия в Париж в 1799 году даты не вызывают сомнения, поскольку моя жизнь переплетена с событиями из газетной хроники» (цит. по: Хальбвакс 2005: 13). Таким образом, история выступает в функции условия (ситуативного фона) реализации индивидуальных событий жизни.

Во-вторых, общезначимые исторические события могут стать самостоятельным содержанием памяти, приобретая в связи с определенными обстоятельствами личностный смысл «судьбоносных». Функциональный репертуар переживания исторических событий как фактов личной биографии весьма многообразен. Воспоминания об исторических событиях могут:

- обеспечивать исторический смысл контекста индивидуальной жизни;
- детерминировать переживание себя как части целостной аксиологически значимой социальной, территориальной или временной системы (этноса, народа, государства, эпохи);
- формировать чувство принадлежности к конкретной социальной общности («социальную солидарность») или отторжения определенных социальных групп;
- быть основанием для осмысления личностью себя как творца современности (самореализации в преобразовании действительности, инновационной деятельности) (Нуркова 2006).

Возможно, наиболее значимым с психологической точки зрения является то, что каждый человек, являясь носителем исторической памяти, занимает отличную позицию по отношению к конкретным историческим событиям. Ранее нами было теоретически обосновано, что относительно исторического события субъект может занимать следующие психологические позиции: *Участника, Очевидца, Современника* и *Наследника* исторического опыта (Нуркова 2001; 2006; Нуркова и др. 2003).

Ядром воспоминания *Участника* исторического события является его личный опыт. Однако Участник события не может знать последствий происходящего с ним (вспомним анекдотического персонажа, восклицающего: «Сегодня началась Столетняя война!»). Участник события не способен охватить всю «архитектуру» происходящего, его переживания неизбежно фрагментарны, поскольку конкретная роль отчасти затемняет общий смысл прошедшего. Главным механизмом развития исторического воспоминания во времени для Участника является механизм ретроспективного означивания содержания памяти. Как точно замечает М. Хальбвакс, «чтобы прикоснуться к исторической реальности, стоящей за этой картиной (воспоминанием. – В. Н.), ему необходимо выйти за пределы своего “я”, усвоить точку зрения группы, увидеть, как тот или иной факт стал памятной датой потому, что проник в круг национальных забот, интересов и пристрастий» (Хальбвакс 2005: 16). Включение в автобиографическую память исторических событий, переживаемых с позиции Участника, служит функции осмысления себя как творца современности. Важно отметить, что Участник исторического события пользуется неограниченным доверием со стороны окружения, его роль наделена высоким социальным статусом, хотя сам субъект подвержен интерпретационным влияниям извне.

Очевидец физически не включен в событие, однако оно свершается «на его глазах». Пространственное и временное совпадение с историческим событием формирует абсолютную уверенность в истинности своего опыта. «Мне кажется, что первым национальным событием, проникшим в ткань моих детских впечатлений, стали похороны Виктора Гюго (мне тогда было восемь лет). Я вижу себя рядом со своим отцом, мы поднимаемся к Триумфальной арке на площади Этуаль, где был воздвигнут катафалк, а на следующий день наблюдаем за шествием с балкона на углу улицы Суффло и улицы Гэ-Люссак», – вспоминает Хальбвакс (Там же: 14). Центральной функцией включения воспоминания об историческом событии для Очевидца является функция социальной солидарности («Я там был!»). При этом психологически Очевидец стремится к сдвигу своей позиции в сторону позиции Участника.

Максимальный объем исторических сведений насыщает историческую память человека, находящегося в позиции *Современника*. Ядром воспоминания об историческом событии для Современника является факт его личной, нейтральной для исторического процесса жизни. Исторический контекст выступает здесь как периферия.

В данном случае, как, соглашаясь с мнением Ловели (Lovely), отмечает Д. Лоуэнталь, «протекая параллельно с событиями общественной жизни, ваши собственные поступки переплетаются с более грубой и стойкой тканью истории» (Лоуэнталь 2004: 312). Позиция Современника, т. е. человека, совпавшего с тем или иным событием во времени, но разминувшегося в пространстве (притом что последствия события способны в значительной степени определять течение его жизни), является наиболее проблематичной в смысле истинности воспоминаний об общезначимом историческом событии. Хальбвакс (2005: 10) так пишет об этой позиции: «За время моей жизни та национальная группа, к которой я принадлежу, стала сценой известного числа событий, о которых я говорю, что помню их, притом что узнал о них только из газет или со слов тех, кто непосредственно в них участвовал. Они занимают место в памяти нации. Но сам я не был их свидетелем. Вспоминая о них, я вынужден полностью полагаться на память других, которая в этом случае не восполняет и не укрепляет мою собственную память, а становится единственным источником того, что я могу о них рассказать. Зачастую я знаю о них не больше и не *иным образом* (курсив мой. — В. Н.), чем о древних событиях, имевших место до моего рождения». Позволим себе не согласиться с последним тезисом автора, так как синхрония жизни человека и разворачивающихся исторических процессов формирует принципиально иное отношение Современника к историческому событию. У субъекта создается иллюзия владения полной информацией относительно события, хотя на самом деле его историческая память функционирует скорее как «архив» (Нуркова 2006) организованных сообщений об этом событии. Заметим, что внешний источник информации отнюдь не мешает переживанию эмоциональной вовлеченности в происходящее. Более того, со временем «ошибка источника воспоминания» может привести к принятию чужого опыта как своего собственного. Так, Х. Вельцер (2005) сообщает о показательном случае, который произошел с президентом США Р. Рейганом на одном из публичных мероприятий. Как известно, Рейган был ветераном Второй мировой войны и охотно делился своими воспоминаниями. Однажды он со слезами на глазах рассказал историю лично знакомого ему героического экипажа бомбардировщика, пилот которого, понимая, что его напарник не может покинуть подбитый самолет, отказался от спасения и пытался посадить горящую машину. В прессе было отмечено, что вся история точь-в-точь повторяла сцену из популярного кинофильма «Крыло и молитва», снятого в 1944 году.

Включение исторических событий в индивидуальную память Современника вызвано стремлением обеспечить исторический смысл контекста индивидуальной жизни и почувствовать себя частью целостной аксиологически значимой системы. В недавнем исследовании (Greenberg 2004) анализу были подвергнуты интервью президента США Дж. Буша, где он делился со слушателями воспоминаниями о террористических актах в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. В тот день Буш находился с визитом во Флориде, что лишило его возможности быть очевидцем столь значительного для нации события. Однако в своих интервью (от 4.12.01 и 5.01.02) он утверждал, будто видел по телевидению таран первой башни ВТЦ («Я видел на экране самолет, который пикировал в первую башню, и подумал, что это ужасный несчастный случай, но спустя несколько минут вбежал мой помощник Энди Кард и закричал: «Второй самолет врезался в северную башню! Америка атакована!»»). Очевидно, что воспоминания президента трансформировались таким образом, чтобы обеспечить ему переживание личного свидетельства произошедшего¹.

Опираясь на предложенную А. Н. Леонтьевым (1975) модель трехаспектной структуры сознания (чувственная ткань образа – значение – смысл), можно утверждать, что воспоминание Участника исторического события насыщено чувственной тканью образа и личностным смыслом, но дефицитарно в отношении значения. Воспоминание Очевидца исторического события насыщено чувственной тканью образа и значением, но дефицитарно в отношении личностного смысла. И, наконец, воспоминание Современника исторического события насыщено значением и личностным смыслом при дефиците чувственной ткани образа. Соответственно данной специфике и разворачивается активность субъекта по «доставанию» своего исторического опыта (см. рис. 1 на с. 12).

Упрощенно можно сказать, что Участник стремится обрести недостающую информацию о причинах и результатах события («Понять, что это было на самом деле»), присвоив, таким образом, характеристики Современника. Современник нацелен на поиск образной составляющей («Увидеть, как это было»), т. е. осуществляет движение в сторону позиции Очевидца. Очевидец, в свою очередь, озабочен осмыслением воспринятого со стороны в контексте течения своей жизни («Чем это стало для меня?»).

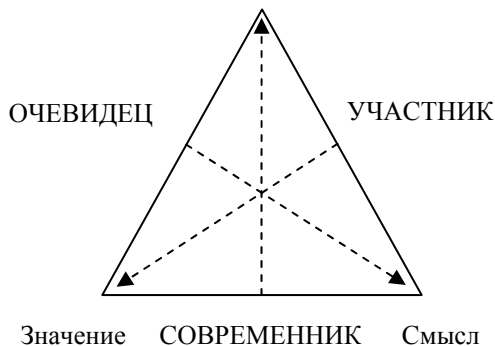
---

¹ О механизмах таких трансформаций воспоминаний см.: Нуркова 2000; Нуркова, Бернштейн, Лофтус 2003; Нуркова 2008.

Согласимся с мыслью Хальбвакса (2005: 15) о том, что «наша память опирается не на выученную, а на прожитую историю». Таким образом, исторический компонент индивидуальной автобиографической памяти является динамической структурой, стремящейся достигнуть гармоничного соответствия «выученного» и «прожитого».

Человек, который переживает связь с историческими событиями, имевшими место до его рождения, занимает позицию *Наследника*. В отсутствие личного опыта относительно события он выступает в качестве реципиента готовых формул – схем исторических событий. Причем если информация об отдаленных во времени событиях поступает обычно из нейтрального источника, то знания о более близких периодах черпаются также из семейных преданий. За счет переживания идентичности с семейной общностью Наследник способен трансформировать свою позицию в позицию Современника, а порой и Очевидца события, о котором рассказывает предок. В данном случае мы обнаруживаем своеобразный случай партиципации («Я часть моего предка – значит, и события, произошедшие с ним, отчасти произошли и со мной»). В качестве примера действия подобного механизма приведем лозунг молодежного движения «Наши»: «Победа деда – моя победа!»

Чувственная ткань образа воспоминания

Рис. 1. Позиции Участника, Очевидца и Современника относительно исторического опыта (в контексте трех образующих сознания по А. Н. Леонтьеву).

Чрезвычайно интересно наблюдение Хальбвакса о том, что историческая память передается нелинейно, не от одного поколения к другому, а через поколение – от дедов к внукам, минуя родителей.

Старики в отличие от родителей гораздо больше связываются в сознании ребенка с прошлым, чем с настоящим. Ребенок, находясь в контакте с бабушками и дедушками, «дотрагивается до еще более отдаленного прошлого» (Хальбвакс 2005: 28). «Они... как бы в промежутках между событиями жизни... сообщают внукам свои собственные воспоминания и передают им отзвуки почти исчезнувших традиций; они не могут оживить перед ними целостную совокупность идей и картину фактов... – в той рамке, где движется мысль их потомков», – подчеркивает Хальбвакс (2007: 212) специфику этого процесса. Данный внутрисемейный способ трансляции исторического знания неизбежно накладывает отпечаток на его содержание, реализуя мотивацию создания привлекательной семейной истории. Х. Вельцер (2005) приводит пример трансформации антисемитского и антиславянского воспоминания 91-летней фрау Круг в устах ее 60-летнего сына и 26-летней внучки. Фабулу рассказа бабушки составляет сюжет о том, как находчивость помогла ей избавиться от нежелательных постояльцев – евреев и русских, освобожденных из концлагеря Берген-Бельзен. В пересказе сына идея «находчивости» сохранилась, но приобрела противоположное значение. Он неосознанно смешивает услышанную от жены историю о некоей старушке, прятаншей беглых узников, и приписывает этот поступок своей матери. В памяти внучки история бабушки становится вовсе героической. По ее мнению, фрау Круг, рискуя своей жизнью, прятала узников-евреев.

Вместе с тем в нашу память включаются события еще более отдаленного прошлого – парадоксально, но они также имеют шанс стать нашими личными воспоминаниями. В ряде культурных сообществ укоренена традиция постоянной повторной реконструкции исторических событий прошлого (порой мифологических), которая насыщает память их представителей «живой», лично пережитой историей. Д. Лоуэнталь (2004) отмечает, что использование местоимения «я» в ритуальных песнопениях иудеев поддерживает реактивацию исторического опыта в личной памяти (например: «Огонь возгорается во мне, когда вспоминаю я – как ушел из Египта, / Но стенания воздымаются во мне, когда вспоминаю я – как ушел из Иерусалима»). Наследник истории воспроизводит историческое содержание в речевой форме личного воспоминания, таким образом превращая историческую память в автобиографическую. Сходную чувствительность к отдаленной во времени национальной истории, проявляющуюся в переживании опыта предков как своего,

исследователи замечают также у ирландцев и в меньшей степени – у французов. Лоуэнталь (2004: 382) приводит множество впечатляющих свидетельств «бездонной памяти» ирландцев, утверждая, что «неверно было бы говорить, что ирландцы живут в прошлом, скорее, это история Ирландии живет в настоящем».

В связи с культурной ситуацией «народа без прошлого», которая многократно повторялась в российской истории, наиболее ярко воплотившись в политической доктрине «отказа от прошлого» после революции 1917 года и смены политического строя начала 90-х годов, среди россиян трудно ожидать аналогичного описанному выше психологически вовлеченного освоения исторического наследства своей страны. Скорее, наша историческая память характеризуется отсутствием гармоничной преемственности ценностей и образцов, тенденцией к формированию особого типа личности, не имеющей исторических корней и национального опыта. Изменить эту ситуацию могут социальные и психологические технологии «автобиографической реактивации истории» и в первую очередь – исторические реконструкции.

Историческая реконструкция представляет собой единство осязаемого прошлого, направленной на него деятельности и исторической информации. Участие в исторической реконструкции дает Наследнику возможность обрести все три компонента исторического опыта. Чувственная ткань образа памяти становится доступной за счет соприкосновения с историческими реликвиями. Значение историческим реликвиям придает овладение специальной информацией, подчеркивающей их ценностный характер. Личностный смысл обретается в деятельностном отношении к означенным местам и объектам. В связи с этим встает вопрос об идентификации исторически значимых территорий и объектов, их маркировке и выстраивании способов взаимодействия с ними. Например, идея утверждения демократических ценностей подталкивает к реконструкции традиционных российских демократических институтов (Новгородское вече), необходимость повышения престижа науки – к реконструкции соответствующих сред (заседание первого состава Академии наук). Адекватная практика исторической реконструкции подразумевает идентификацию, демонстрацию, защиту, воссоздание, дублирование, реадаптацию и вовлечение широких групп населения.

Историки в отличие от широкой публики отлично знают, до какой степени история является артефактом исторического исследования. Образцовый пример создания психологически достоверной реконструкции, комбинирующей все указанные выше составляющие, дает работа Хальбвакса «Легендарная топография евангелий на Святой Земле» (1941), развернуто анализируемая в работе П. Хаттона (2003). Согласно Хальбваксу, «библейская Святая Земля была воображаемым ландшафтом, возникшим в средневековой Европе и перенесенным на реальные земли Палестины... Паломники из Европы создали Святую Землю религиозных святынь... К тому времени, когда они стали прибывать сюда, действительная физическая архитектура, существовавшая во времена исторического Иисуса, уже давно исчезла вследствие естественных разрушений. Святая Земля, следовательно, была не открыта, а изобретена» (цит. по: Хаттон 2003: 205).

Очевидно, что значительные материальные, временные и интеллектуальные инвестиции в исторические реконструкции обусловлены ценностной нагруженностью того, что предполагается реконструировать. Вернее сказать, переход от истории как слабо организованной материализации (записи) устного предания о прошлом к истории как осознанной политике коллективной памяти (Адорно 2005) состоит в активном выборе тех событий, которые подлежат реконструкции. При этом селекции подвергаются следующие аспекты истории:

- тематический – преобладание воспоминаний, относящихся к той или иной теме, например «военные» или «научные»;
- географический (территориальный) – преобладание исторических воспоминаний, связанных с определенным пространством, например Европой или Америкой;
- временной – селективность относительно тех или иных временных периодов;
- оценочный – акцентирование позитивных или негативных фактов прошлого.

Следует предположить, что описанные различия проявляют себя как в коллективной, так и в индивидуальной ориентации исторической памяти.

Социологические опросы (Бойков 2002; Климов 2002; Афанасьева, Меркушин 2005; Liu *et al.* 2005) достаточно ярко демонстрируют ориентации исторического знания современного человека

вообще и россиянина в частности. Широкомасштабное исследование, включавшее опрос двух тысяч представителей 12 стран (Liu *et al.* 2005), показало, что в качестве наиболее значимых исторических событий за последнюю тысячу лет чаще всего называются: Вторая мировая война (72 % опрошенных), Первая мировая война (56 % опрошенных) и далее с большим отрывом – Великая французская революция (17 % опрошенных). История человечества трактуется прежде всего как военная и политическая история (41 % названных событий связан с военными действиями, 26 % – с политическими событиями и только 7 % – с событиями в сфере науки и культуры). История предстает также крайне евроцентричной. Среди значимых исторических событий, имевших место вне Европейского континента, упоминаются только открытие Америки Х. Колумбом и атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки. Если обратиться к российской выборке, то по данным В. Э. Бойкова (2002), полученным в результате опроса 2400 респондентов в 26 субъектах РФ, было выяснено, что наша историческая память, во-первых, неглубока (все упомянутые респондентами события и исторические деятели относятся к периоду с начала XVIII века), во-вторых, тематически ориентирована на военные победы (23 % респондентов сообщили, что главным объектом национальной гордости является победа над фашизмом). Следует отметить обнаруженные также очевидные ностальгические настроения в отношении периода правления И. В. Сталина. В описываемом исследовании 33 % опрошенных высоко оценили историческую роль Сталина (в то время как в 1990 году аналогично высказались только 6 % респондентов). В исследовании Афанасьевой и Меркушина (2005) фиксируется, что доля респондентов, положительно оценивающих роль Сталина в Победе, составляет от 48 % в младшей возрастной группе до 84 % – в старшей.

Такую ориентацию вектора исторической памяти современного человека нельзя признать оптимальной для психологического здоровья и личностного роста. Восприятие истории как деструктивного начала, постоянно испытывающего на прочность личную судьбу человека, может привести к защитному избеганию столкновения с историческими событиями. При этом ресурс плодотворного для личности контакта с историей остается невостребованным.

Социологические опросы, в рамках которых респондентам предлагается указать важнейшие с их точки зрения исторические

события и оценить их, безусловно, важны. Однако исследования данного типа оставляют в стороне вопрос о естественном включении исторического материала в индивидуальную память и его функционировании в психической жизни людей. Именно поэтому основной задачей нашего исследования было выявление того, насколько исторический компонент *спонтанно* включается в автобиографическую память и какая позиция относительно исторических событий преобладает среди наших современников. Другой задачей исследования стало выявление взаимосвязей между включенностью исторического опыта в индивидуальную автобиографическую память (сензитивностью к истории) и особенностями личности респондента.

В нашем исследовании (2008 год) приняло участие 408 респондентов в возрасте от 18 до 87 лет (средний возраст – 43,83 года): 147 мужчин (35,9 %) и 261 женщина (64,1 %).

На первом этапе исследования респондентам предоставлялся лист А4, разделенный по центру стрелкой, обозначающей линию времени (методика «Линия жизни» [Нуркова 2000]), и требовалось выполнить следующую инструкцию: «Представьте, что это – Ваша жизнь, от начала до сегодняшнего дня. Обозначьте самые значимые, наиболее запомнившиеся события. Чем более позитивно событие, тем выше отмечайте его от центральной оси времени (поставьте точку и подпишите), а чем оно негативнее, тем ниже располагайте его. На самой оси укажите, сколько Вам было лет, когда это событие произошло». Подчеркнем, что респондентам не предлагалось воспроизвести что-либо, имеющее отношение к истории. Таким образом, включенные в «Линию жизни» исторические воспоминания спонтанно присутствуют в картине личного прошлого респондентов и имеют статус личного опыта. Время выполнения задания не ограничивалось. При анализе данных оценивались: 1) наличие на «Линии жизни» исторических событий; 2) тематика этих событий; 3) знак и величина эмоциональной оценки; 4) возраст, указанный респондентом, в момент совершения данного события; 5) позиция респондента по отношению к событию.

Из 408 респондентов 66 (16,2 %) без направляющей инструкции включили исторические воспоминания в выявляемую при помощи методики «Линия жизни» картину своего личного прошлого. Большинство из вошедших в группу «чувствительных к истории» респондентов включили в свою картину прошлого одно историче-

ское воспоминание (45 респондентов – 68,2 %), 17 человек (25,8 %) включили по 2 исторических воспоминания и лишь 4 респондента – 3 или 4 события (6 %). В сумме всеми респондентами было актуализировано 86 исторических воспоминаний (см. табл. 1).

Таблица 1

**Исторические события, включенные респондентами
в перечень наиболее лично значимых воспоминаний
без специальной установки на актуализацию исторического
контекста**

Историческое событие	Дата	Кол-во упоминаний	% упоминаний	Позиция
1	2	3	4	5
ВОВ	1941–1945	22	25,6 %	Участник – 2 Очевидец – 3 Современник – 17
«Дело врачей»	1953	1	1,2 %	Очевидец – 1
Смерть Сталина	1953	4	4,6 %	Очевидец – 1 Современник – 3
XX съезд КПСС	1956	1	1,2 %	Современник – 1
Полет Гагарина	1961	4	4,6 %	Современник – 4
Олимпиада	1980	4	4,6 %	Очевидец – 3 Современник – 1
Поездка на Курскую дугу	1981	1	1,2 %	Наследник – 1
Смерть Брежнева	1982	1	1,2 %	Современник – 1
Авария на Чернобыльской АЭС	1986	1	1,2 %	Современник – 1
Кооперативное движение	1986	1	1,2 %	Участник – 1
Перестройка	1985–1990	15	17,4 %	Очевидец – 15
Павловская реформа	1990	1	1,2 %	Очевидец – 1
Международный марш мира	1990	1	1,2 %	Участник – 1
Победа ЦСКА на чемпионате СССР	1991	1	1,2 %	Очевидец – 1
Путч	1991	6	7 %	Участник – 2 Очевидец – 4

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
Распад СССР	1991	7	8,1 %	Современник – 7
Первая чеченская война	1993	1	1,2 %	Участник – 1
«Ельцинизм»	1991–2000	1	1,2 %	Современник – 1
Дефолт	1998	10	11,6 %	Очевидец – 10
Атака на ВТЦ	2001	1	1,2 %	Современник – 1
60 лет Победы	2005	1	1,2 %	Очевидец – 1
Выборы в Думу РФ	2007	1	1,2 %	Участник – 1

Всего респондентами было указано 22 различных исторических события (периода), из них наибольшую частоту имело историческое воспоминание «Великая Отечественная война» (25,6 % всех упоминаний). На втором месте по частоте упоминаний – «перестройка» (17,4 %). Причем если оценка воспоминания о ВОВ для 15 респондентов носит негативный характер («война», «эвакуация»), а для 7 респондентов – позитивный («День победы», «освобождение от оккупации»), то событие «перестройка» позитивно оценил лишь один респондент. Далее по частоте упоминания следуют негативные события, которые относятся к сфере политической жизни страны конца 80–90-х годов: «дефолт» (11,2 %), «распад СССР» (8,1 %) и «путч» (7 %).

Среди упоминаемых событий, относящихся к сфере культуры, науки и спорта, – «первый полет в космос» (4), Олимпиада 1980 года (4), Международный марш мира 1990 года (1), победа ЦСКА на чемпионате СССР 1991 года (1), поездка на Курскую дугу (1), празднование 60-летия Победы (1).

В целом значительное количественное превосходство имеют негативно окрашенные исторические воспоминания (72,1 %). Сопоставление полученных данных с результатами социологических опросов, прямо ориентирующих респондентов на извлечение исторической информации, показывает, что в частной истории события из культурной, научной и спортивной сфер представлены в два раза шире (14 % в нашем исследовании против 7 % в: Liu *et al.* 2005). Возможно, то, что оценивается как «историческое» в масштабах частной жизни, теряет подобный статус при оценке события в контексте мировой истории. Только в одном случае оказалось актуализированным событие, имевшее место в зарубежной истории (террористические акты в США 11 сентября 2001 года).

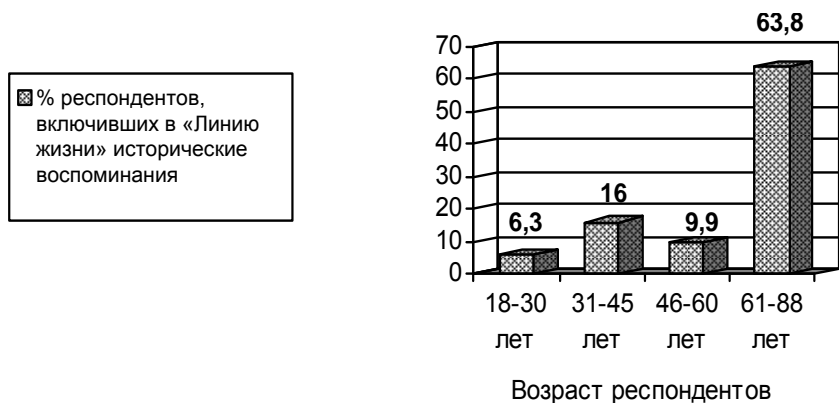
В подтверждение нашей концепции было обнаружено, что в автобиографической памяти спонтанно присутствуют исключительно те исторические события, которые пережиты человеком в качестве личного опыта. 40 событий (46,5 %), включенных в «Линию жизни», зафиксированы с позиции Очевидца, 37 событий (43 %) освоены с позиции Современника и 8 событий (9,3 %) – с позиции Участника. Среди общего массива полученных данных присутствовало только одно историческое событие, освоенное с позиции Наследника (битва на Курской дуге), что, по нашему мнению, отражает недостаточное использование потенциала диахроничности жизни человека событиями, за счет присвоения которых может быть достигнута гармонизация картины прошлого. Вместе с тем преобладание позиций Очевидца и Современника относительно исторических содержаний, спонтанно включенных в индивидуальную картину прошлого, свидетельствует, по нашему мнению, о стремлении к присвоению исторического опыта вопреки отсутствию активной физической вовлеченности в свершавшиеся события.

Таким образом, по результатам проведенного нами исследования исторический компонент автобиографической памяти россиян, актуально присутствующий в их картине прошлого, может быть охарактеризован как тематически ориентированный на военные события и деструктивные социальные изменения, связанные с территорией бывшего СССР (хотя и представленный в меньшей степени, чем это показывают социологические опросы), и негативный по эмоциональной окраске.

Степень представленности исторических событий в индивидуальной памяти является переменной, связанной с возрастом ($F = 63,781$; $p < 0,000$). Значит ли это, что с годами память человека становится более историчной? Возможно, вклад исторического фактора в формирование индивидуальной судьбы осознается лишь по прошествии значительного отрезка времени («большое видится на расстоянии»). Пожалуй, все же нельзя утверждать, что память пожилых людей более исторична просто за счет того, что они прожили дольше.

При разделении выборки респондентов на четыре возрастные подгруппы: 18–30 лет, 31–45 лет, 46–60 лет и 61–88 лет – выявлен нелинейный характер связи возраста респондентов с тенденцией включать исторические воспоминания в субъективную картину прошлого (см. рис. 2 на с. 21).

Рис. 2. Пропорция «исторически сензитивных» респондентов в различных возрастных группах.

Как видно на рис. 2, при переходе в каждую последующую возрастную группу наблюдается удвоение количества актуализируемых исторических воспоминаний. Исключение составляет группа респондентов 46–60 лет, у которых исторических воспоминаний значимо меньше, чем в младшей возрастной подгруппе. Как можно объяснить полученный результат? Например, почему люди, родившиеся в 1963–1977 годах, чаще включают в свои воспоминания такие события, как «перестройка», «путч», «распад СССР», «дефолт», чем люди, родившиеся в 1948–1962 годах? Очевидно, что нельзя предположить, будто указанные события оказали меньшее влияние на жизнь старшей подгруппы, т. е. реже включаются в субъективную картину личного прошлого в связи с их низкой личностной значимостью.

Можно утверждать, что включение исторической информации в автобиографическую память обусловлено не только объективной исторической значимостью событий и интенсивностью их воздействия на индивидуальный жизненный путь, но и некоторыми дополнительными факторами. К числу этих факторов относится совпадение исторически напряженного периода в жизни общества и особого временного интервала в становлении автобиографической памяти, получившего в литературе название «пика воспоминаний»². Для проверки данного предположения обратимся к воз-

² Феномен «пика воспоминаний», заключающийся в непропорционально высокой насыщенности воспоминаниями фрагмента картины прошлого, относящегося к возрасту 16–

расту респондентов в период свершения наиболее упоминаемых исторических событий (табл. 2).

Как видно из табл. 2, для представителей младшего поколения произошла «встреча» напряженного этапа отечественной истории и максимальной восприимчивости индивидуальной автобиографической памяти. Другими словами, переломные события в жизни российского общества происходили в тот период, когда респонденты данной группы находились в возрасте накопления максимального объема автобиографической информации. Представители старшей возрастной группы преодолели возраст «пика воспоминаний» в середине 80-х годов. Таким образом, политические и социальные потрясения российской истории конца 80–90-х годов оказались для них вне возрастного периода, маркированного культурным жизненным сценарием как «период максимально судьбоносных жизненных событий», и поэтому в меньшей степени получили отражение в субъективной картине прошлого.

Таблица 2

Возраст респондентов в момент свершения исторических событий, включенных в «Линию жизни»

Историческое событие	Возраст респондентов в момент свершения события	
	Младшая подгруппа (1963–1977 г. р.)	Старшая подгруппа (1948–1962 г. р.)
Перестройка (1986–1990)	9/13–23/27 лет	24/28–39/43 лет
Путч, распад СССР (1991)	14–28 лет	29–44 лет
Дефолт (1998)	21–35 лет	36–51 лет

Таким образом, в целом можно согласиться с утверждением Л. П. Репиной (2006: 38), что «историческая память мобилизуется и актуализируется в сложные периоды жизни общества или какой-либо социальной группы, когда перед ними встают новые трудные задачи или создается реальная угроза самому их существованию». Однако для более адекватного понимания этого явления следует учитывать и психологические закономерности функционирования памяти, в частности возрастные различия в готовности фиксировать историческую информацию в качестве личного опыта.

---

28 лет, был открыт Д. Рубиным в 1986 году. «Пик воспоминаний» является результатом присвоения культурного жизненного сценария, согласно которому происходит форматирование временных характеристик картины прошлого (см. подробно: Нуркова, Митина, Янченко 2005).

Задачей дополнительного корреляционного исследования стало обнаружение связи между спонтанным включением воспоминаний об исторических событиях, особенностями картины прошлого в целом и особенностями личности. Другими словами, мы попытались выяснить, отличаются ли по своим психологическим характеристикам люди, в личных воспоминаниях которых спонтанно присутствует исторический компонент (т. е. те, кто осознает роль истории в своей частной жизни), от тех, чье личное прошлое лишено исторической компоненты. В данной серии исследования приняли участие 90 респондентов. Кроме описанной выше методики «Линия жизни», заполнялся ряд личностных опросников, в частности опросник 16 PF Кеттелла; опросник функций автобиографической памяти (Webster RFS); опросник функций автобиографической памяти (Нуркова, Василевская 2008); опросник «Стиль жизни»; шкала измерения симптоматики посттравматического стрессового расстройства PCL-C.

В исследованной нами подвыборке респондентов 17 были носителями ярко выраженного исторического компонента автобиографической памяти, у 73-х – исторические события не присутствовали на «Линии жизни». Между представителями этих подгрупп были обнаружены статистически значимые различия (использовался однофакторный дисперсионный анализ ANOVA). Картина прошлого у носителей ярко выраженного исторического компонента автобиографической памяти характеризуется значимо большим числом жизненных тем (9,24 против 6,63; $F = 7,323$; $p = 0,000$) и значимо большим количеством позитивно оцениваемых воспоминаний о жизненных событиях (13 против 8,9; $F = 4,886$; $p = 0,004$). Другими словами, соотнесение своей личной жизни с историческим контекстом обнаруживает связь с более позитивным и многообразным отношением к своему опыту в целом. Представители данной группы более склонны реализовывать контролирующий стиль жизни (23,24 балла против 19,8; $F = 6,533$; $p = 0,005$). Можно предположить, что учет исторического аспекта своего бытия позволяет адекватнее оценивать события своей жизни и за счет этого успешнее контролировать ее.

Респонденты, чья память характеризуется историчностью, в целом более активно вовлечены в работу над историей своей жизни. Они значимо отличаются по частоте обращения к автобиографическим воспоминаниям с целью трансляции своего личного опыта ($F = 4,063$; $p = 0,009$) и поддержания тесных межличностных кон-

тактов ($F = 10,859$; $p = 0,000$). Между подгруппами обнаружены и различия в выраженности личностных черт, выявляемых популярным опросником Кеттелла. Носители выраженного исторического компонента автобиографической памяти продемонстрировали более высокие показатели по шкале N ($F = 9,407$; $p < 0,000$) при более низких показателях по шкале I ($F = 4,241$; $p < 0,008$). Раскрывая содержание данных результатов, можно сказать, что исторический контекст шире присутствует в памяти проницательных, независимых, реалистически мыслящих людей по сравнению с теми, кто обладает противоположными характеристиками.

Как уже было сказано выше, исторический опыт, представленный в автобиографической памяти респондентов, несет по преимуществу негативную эмоциональную нагрузку. В связи с этим особенно интересными оказались различия в выраженности симптоматики посттравматических стрессовых расстройств в указанных подгруппах. Историчность индивидуальной памяти связана с более низкими показателями по данному параметру (35,2 против 41,25; $F = 10,02$; $p = 0,003$). Другими словами, представленность исторического компонента в индивидуальной памяти представляет собой фактор психологического благополучия личности, что проявляется в более низком уровне симптоматики посттравматического стресса.

Анализ литературы и эмпирическое исследование присутствия исторического компонента в автобиографической памяти современных россиян позволяют сделать следующие выводы:

- Исторический компонент в индивидуальной автобиографической памяти представлен в различных формах: а) в форме даты рождения; б) в форме имени с историческим источником; в) в форме личного исторического опыта.

- Выделяются четыре психологических позиции носителя исторической памяти: Участника события, Очевидца события, Современника события и Наследника события, отличающихся соотношением составляющих исторического опыта (чувственной ткани образа, значения и смысла).

- Механизм перехода от пассивного обладания семантическим историческим знанием к активному формированию исторической памяти в статусе живого опыта заключается в создании условий для деятельностного присвоения исторического знания.

- Максимальный объем личного исторического опыта приобретает субъектом в возрастном периоде «пика воспоминаний».

- Наличие исторического компонента в структуре автобиографической памяти связано с более благополучным функционированием личности. Исторический контекст шире присутствует в памяти проницательных, независимых, реалистически мыслящих людей, характеризующихся позитивным и многообразным отношением к своему опыту в целом и более низкими показателями симптоматики посттравматических стрессовых расстройств.

По нашему убеждению, повышение исторической насыщенности автобиографической памяти не только способствует психологическому благополучию личности, но и соответствует настоятельной потребности современного, динамично меняющегося общества в социально активном гражданине, реализующем деятельность с учетом национальных интересов. Как справедливо замечает И. М. Савельева (2003: 400), «российское общество в очередной раз в поисках идентичности стоит перед выбором, что помнить и что вспомнить о своем прошлом (а также, что забыть). И как это сделать». В связи с этим перед современным российским историком стоят не только традиционные исследовательские задачи, но и задачи *политики памяти*. Суть этих задач заключается в том, чтобы выделить из потока исторического времени прошлого наиболее продуктивные с точки зрения формирования позитивной идентичности и поддержания общенациональных ценностей события, а затем создать систему превращения этих событий в достояние личного опыта в рамках массового исторического образования.

При этом оптимальная организация и функционирование исторической подструктуры автобиографической памяти, согласно нашему видению, требует:

- активного включения высоко личностно значимых исторических событий в индивидуальную память;
- переживания исторических событий одновременно с разных позиций – Участника, Очевидца, Современника и Наследника;
- преодоления фиксированности исторического опыта исключительно на материале событий национальной истории;
- расширение спектра автобиографически значимых событий за счет позитивных событий в области культуры и науки.

Литература

Адорно, Т. В. 2005. Что означает «проработка прошлого»? *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре* 2–3(40–41). Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html>

Афанасьева, А. И., Меркушин, В. И. 2005. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян. *Социологические исследования* 5: 11–22.

Бойков, В. Э. 2002. Состояние и проблемы формирования исторической памяти. *Социологические исследования* 8: 85–89.

Вельцер, Х. 2005. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре* 2–3 (40–41). Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/vel3.html>

Климов, И. 2002. *Патриотические основания современной российской идентичности*. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/cat/man/patriotizm/oz02061902>

Леонтьев, А. Н. 1975. *Деятельность. Сознание. Личность*. М.: Политиздат.

Лоуэнталь, Д. 2004. *Прошлое – чужая страна*. СПб.: Владимир Даль.

Найссер, У., Хаймен, А. 2005. *Когнитивная психология памяти*. М.: Олма-Пресс.

Нуркова, В. В. 2000. *Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности*. М.: Изд-во УРАО.

2001. Историческое событие как факт автобиографической памяти. В: Венедиктова, Т. Д. (ред.), *Воображаемое прошлое Америки: история как культурный конструкт* (с. 20–34). М.: МАКС-Пресс.

2006. *Зеркало с памятью. Феномен фотографии. Культурно-исторический анализ*. М.: РГГУ.

2008. Доверчивая память: Как информация включается в систему автобиографических знаний. *Когнитивные исследования. Сборник научных трудов / под ред. В. Д. Соловьева и Т. В. Черниговской* (с. 87–102). М.: ИП РАН, КГУ.

Нуркова, В. В., Бернштейн, Д. М., Лофтус, Э. Ф. 2003. Эхо взрывов: сравнительный анализ воспоминаний москвичей о террористических актах 1999 г. (Москва) и 2001 г. (Нью-Йорк). *Психологический журнал* 24(1): 67–74.

Нуркова, В. В., Василевская, К. Н. 2008. Диагностический опросник «Функции автобиографической памяти»: разработка и апробация. *Третья*

международная конференция по когнитивной науке. Москва, 20–25 июня 2008, Тезисы докладов. Т. 1 (с. 219–220). М.: ИП РАН.

Нуркова, В. В., Митина, О. В., Янченко, Е. И. 2005. Стгущения в субъективной картине прошлого. *Психологический журнал* 26(2): 22–32.

Панина, Л. С. 2007. *Личное имя как содержание автобиографической памяти*. Дипломная работа. Факультет психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, кафедра психологии личности. М.: МГУ.

Репина, Л. П. 2006. Память и историописание. *История и память* / под ред. Л. П. Репиной (с. 19–47). М.: Кругъ.

Савельева, И. М. 2003. Перекрестки памяти. В: Хаттон 2003: 398–421.

Хальбвакс, М.

2005. Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре* 2–3 (40–41). Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>

2007. *Социальные рамки памяти*. М.: Новое изд-во.

Хаттон, П. 2003. *История как искусство памяти*. СПб.: Владимир Даль.

Greenberg, D. L. 2004. President Bush’s False “Flashbulb” Memory of 9.11.01. *Applied Cognitive Psychology* 18: 363–370.

Liu, J. H. et al. 2005. Social Representations of Events and People in World History across 12 Cultures. *Journal of Cross-Cultural Psychology* 36(2): 171–191.